

Валерий. А. Кобринец
(Беларусь)

АКТОВЫЕ КНИГИ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА ОБ ОБМЕННОМ КУРСЕ РУССКОЙ КОПЕЙКИ В XVI В.

В XVI в. на белорусских землях, бывших частью Великого княжества Литовского (с 1569 г. – в составе Речи Посполитой), имели хождение монеты различных европейских государств, в том числе и России (Великого княжества Московского, с 1547 г. – Московского царства). Продукция ее денежных дворов (копейки и денги) первоначально проникала на территорию Беларуси в результате активных торговых контактов. Первое упоминание «денег Московских» на белорусских землях в документах датируется 17 апреля 1532 г. [4, с. 74]. Среди зарегистрированных находок на территории Беларуси самые ранние русские монеты чеканены во время существования русских удельных княжеств – это денга Ивана Андреевича Можайского (1432-1454) и денга Александра Федоровича Ярославского (1436–1471) [7, с. 118, 122, 123 таб. II.1, 126 таб. III.4.].

Вопрос котировки или обменного курса русской «проволочной» копейки на рынках Беларуси в XVI в. продолжает оставаться малоисследованным. Белорусский исследователь Д.В. Рябцевич называет ее наличие одним из условий акклиматизации русских монет на восточных землях Великого княжества Литовского [13, с. 197]. Количество работ, касающихся проблемы рыночного обмена русской «проволочной» копейки в Беларуси XVI в., невелико. Исследователи затрагивали ее в публикациях, посвященных роли эмиссий России на территориях, входивших в состав Великого княжества Литовского, и в обобщающих трудах по истории денежного обращения Беларуси [12, с. 173; 13, с. 197; 14, с. 196; 15, с. 220; 5, с. 25]. В 2009 г. в статье «Об обменном курсе русской серебряной копейки» мною была предпринята попытка свести воедино разрозненные сведения о нем в XVI – первой половине XVII в. [6, с. 2-5]. Использование массы серебра в копейках и польских и литовских грошах как основы для расчета рыночной котировки позволило выделить существование прямой зависимости между этими показателями до 20-х гг. XVII в. [6, с. 6-9]. В литературе известны следующие данные об обменном курсе копейки на землях Речи Посполитой на рубеже XVI и XVII вв.: 0,72 литовского гроша – март 1579 г. [6, с. 3], 0,8 литовского гроша или 1 польский грош – июль–август 1579 г. [12, с. 173; 13, с. 197; 14, с. 196; 15, с. 220; 6, с. 3] и 1 польский грош – 1604-1612 гг. [5, с. 25; 6, с. 3–4, 7]. В результате, сведения о ней немногочисленны и фрагментарны.

Целью исследования является пополнение имеющегося корпуса документов, несущих информацию о курсах обмена русских монет на денежные знаки, обращавшиеся на белорусских землях в конце XVI в. Задачи работы: 1) систематизация и уточнение доступных данных о вальвациях «денег Московских» на восточнобелорусских рынках; 2) ввод в научный оборот новых, ранее не использовавшихся исследователями письменных источников; 3) анализ динамики изменения рыночных котировок русской копейки.

Основой статьи стали фонды документов, хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси (далее – НИАБ). Одним из самых полных и

охватывающих значительный хронологический период является фонд Могилевского магистрата (НИАБ, ф. 1817, оп. 1), который содержит 201 единицу хранения – Актовые книги, Приходно-расходные книги, Протоколы декретовые, Реестры суммарийные и др. В исследовании использованы данные пяти дел (НИАБ, ф. 1817, оп. 1, д. 1-5). Из них Актовая книга за 18 июля 1579 – 1 июня 1580 г. опубликована в «Актах Виленской археографической комиссии» [3, с. 291-621]. В работу также включена информация, полученная из магистратских книг Могилева, изданных в «Историко-юридических материалах» [1, 2] и «Актах Виленской археографической комиссии» [3, с. 3-290], рукописный оригинал которых, к сожалению, утрачен.

В Актовых книгах могилевского магистрата за 1577-1600 гг. подавляющее количество терминов для счета денег принадлежит системе Великого княжества Литовского: копы, золтые, рубли, гроши, пенязи. Кроме них, упоминаются монеты стран Западной Европы (талеры, левки) и счетно-денежные единицы России (алтын, гривна, рубль). Среди последних только «алтын» неоспоримо относится к российской терминологии. Он равен 3 копейкам или 6 денгам. Несмотря на тождественность слов «рубль» и «гривна», на землях Великого княжества Литовского и Московского царства их внутреннее наполнение различно. Литовский рубль приравнялся 100 литовским грошам, русский – 100 русским копейкам или 200 денгам. Гривна в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой соответствовала 48 польским грошам, ее русская «тезка» – 10 копейкам. Эти счетно-денежные понятия в документах не смешиваются друг с другом при помощи определений или контекста, например: «рубль грошей или рубль грошей литовских» – «рубль денег или рубль денег московских», «полтретья рубля (московского. – В.К.) без гривны».

Впервые русские монеты попадают на страницы Актовых книг в жалобе от 12 августа 1577 г. могилевского мещанина Герасима Максимовича на некоего Игната Дешковича [1, с. 131–132]. В дальнейшем они с разной степенью частоты упоминаются во всех магистратских книгах последней четверти XVI в. (см. таб. 1). В них русские монеты называются 55 раз, что значительно превышает ранее известное их количество.

Таб. 1

Актовая книга	Количество упоминаний русский монет
за 21 марта 1577 – 12 июля 1578 г.	5
за 15 июля 1578 – 15 июля 1579 г.	3
за 18 июля 1579 – 1 июня 1580 г.	3
за июнь 1580 – июль 1581 г.	10
за февраль – декабрь 1588 г.	13
за 16 июля 1597 – 9 июля 1598 г.	17
за 17 июля 1599 – 8 июля 1600 г.	4

Впервые паритет между денежными суммами монет России и Великого княжества Литовского устанавливается в «Роке (сроке. – В.К.) Куприяну на заплачене пенезей Фетку» от 21 июня 1578 г. Некий Федка Артемович жалуется на могилевского мещанина Куприяна Васильевича Солодовника, что в Смоленске последний взял у него в долг сорок грошей. Свидетель со стороны истца показал, что видел, как Куприян одолжил Федку «полтину денгами» [2, с. 205-206]. В данном случае

поскольку сорок литовских грошей соответствуют полтине денгами (50 копейкам или 100 денгам), то одна копейка равна $0,8 (= 40:50)$ литовского гроша или одному польскому грошу ($= 0,8 \times 1,25$).

Ранее автором рассматривалась вальвация русской копейки в марте 1579 г. как $0,72$ литовского или $0,9$ польского гроша [6, с. 3]. Основой для расчетов послужило описание потерь смоленского купца А. Д. Турова в Могилеве. Они составили «за тую то шевню (которая ранее сгнила; севня – хлебная мера: здесь, скорее всего, хлеб. – В.К.), то есть шесть коп гр[о]шей монеты и личбы литовское, ку тому каразеи белой локоть девет, кожды локот по шеснадцати гр[о]шей». В денежном выражении И. Беляй заплатил А.Д. Турову 504 литовских гроша (6 коп грошей литовских и 9 локтей «каразеи белой» по 16 грошей, т.е. $6 \times 60 + 9 \times 16 = 360 + 144 = 504$). Было высказано предположение, что равная этому сумма содержится в следующем: «... пот виною (под угрозой наказания. – В.К.)... стем рубли...» [3, с. 208–209; 6, с. 3]. Предложный падеж числительного «сто» («стем») был интерпретирован как неточная передача другого числительного – «семь». В результате, рассчитывался курс в $0,72$ литовского гроша [6, с. 3]. Более внимательное прочтение документа позволяет отказаться от предыдущих выводов и признать указанную котировку ошибочной.

Снова с обменным курсом мы сталкиваемся в «Присеге Антона Стрелника против Павла Олферовича» от 18 июля 1579 г. Могилевские мещане Антон Васкович Стрельников и Павел Олферович Коленин продали в Смоленске шелка на семьдесят три с половиной московских рубля. На вырученные деньги купили сукна сермяжного. После чего Коленин отказывается производить расчет. Он сообщил, что Антон «мне за мою чотырнадцать литер (литра – мера массы шелка, равная около 300 г.) шолку спустил мне денег рублей осмьнадцать и чотыри без пети денег, кождый рубль (денег московских, т.е. копеек. – В.К.) по осмьдесят гр[о]шей...» [8, л. 11 об; 3, с. 295–296]. Иными словами, согласно приведенному источнику, на территории восточной Беларуси копейка шла по курсу $0,8 (= 80:100)$ литовского гроша.

В документе от 5 августа 1579 г. могилевский мещанин Селивон Мардосович дает присягу о том, что он своего земляка Ивку Ивановича Сухачова «оскаржить (ложно обвинить. – В.К.) перед урядом Смоленским не хотел». Они, будучи в Москве, сговорились вывезти оттуда «вязня (пленника. – В.К.) немца рыжанина, которог взято было в Ифлянътехъ (Ливонии. – В.К.)». За последнего Ивка обещал Селивону «рубль денег (московских. – В.К.), то есть гр[о]шей осмьдесят литовских» [8, л. 39 об.; 3, с. 315]. Следовательно, и в этом случае копейка равна $0,8 (= 80 : 100)$ литовского гроша.

Еще одна жалоба, в которой используются русские счетные единицы, датируется 28 ноября 1580 г. Могилевский мещанин Богдан Василевич жалуется на Ивана Семеновича, что последний «узял рубль денег и мел отменит (отдать. – В.К.) Новгородку по полсему пенязя (6,5 денария. – В.К.) и ку тому то тарел». Иван же утверждает, что «не брал того рубля денег а ни тареля толко онну десет денег и то отдал» [9, л. 228]. К сожалению, приведенная в ней информация не позволяет точно рассчитать обменный курс копейки. Дать какое-нибудь правдоподобное толкование тому, какой сумме приравнивалось запись «по полсему пенязя», не представляется возможным. Вероятно, часть документа могла быть или не записана или неточно переписана с черновика на белой вариант. Одной из догадок, которая в какой-то степени позволяет объяснить возникшую неясность, может быть пропуск

слова «денга» перед «по полсему пенязя». Под предложенным номиналом, скорее всего, следует видеть «денгу копейную» или копейку. Соотнесение с половинным номиналом последней – «денгой-сабляницей» – сомнительно, поскольку в таком случае копейка приравнивалась бы $1,3 (= 6,5 \times 2)$ литовского гроша. Ни один известный документ не показывает столь высокую вальвацию копейки. Более вероятен ее более низкий курс в 6,5 пенязей (денариев) или же $0,65 (= 6,5 \times 0,1)$ литовского гроша, о чем позволяют говорить другие, близкие по времени документы. Так, могилевский мещанин О. Богданович в жалобе 20 марта 1581 г. сообщает, что он одолжил своему земляку Андрею Сопроновичу «рублей полшоста (т.е. 5,5 рублей. – В.К.), за которые мел ми дат гр[о]шми готовыми за рубль шестьдесят девет грошей» [9, л. 471-471 об.]. Таким образом, здесь копейка соответствовала $0,69 (= 100 : 69)$ литовского гроша.

«Моц (доверенность)» от 16 апреля 1581 г. могилевского мещанина Артема Ларивоновича сообщает, что он продал коня «шерстю рыжой за два рубли московских, то ест личбы литовской за две копе гр[о]ши сорок, Миките Гапоновичу, волощанину Дубровленскому села з Росалны имени его м[и]л[о]сти ясновельможного п[а]на Яна Глебовича п[а]на минского» [9, л. 499-499 об.]. И снова расчет показывает, что одна русская копейка приравнивалась $0,8 (= (2 \times 100) : (2 \times 60 + 40) = 200 : 160)$ литовского гроша.

Значительный по объему комплекс документов представляет собой тяжба 1588 г. между могилевскими мещанами Яцком Ольхимовичем или Овхимовичем и Ланей Моисеевичем [10, лл. 94 об., 116-116 об., 119 об.–121, 147, 160 об.–161, 304-305]. Она началась в субботу 10 апреля. Суд неоднократно откладывал решение дела. Судебные препирательства удалось проследить до июля 1588 г. Некие их отголоски слышны в «Пильности Лани Моисеевича против Яцка Киеницы» от 28 декабря 1588 г. [10, лл. 517 об.–518]. Окончательное решение дела магистратом автором на сегодня не выявлено. В ходе судебных разбирательств было установлено, что брат Лани, Иван Моисеевич, взял в долг у Яцка в Москве для покупки двух коней двадцать рублей «денег Московских» и обязался вернуть долг в Могилеве литовскими грошами «кожны рубль по гр[о]шей осмьдесят». Таким образом, копейка снова составляла $0,8 (= 80 : 100)$ литовского гроша. По дороге в Могилев при невыясненных обстоятельствах Иван Моисеевич был убит. В документе от 3 мая приводится копия «церограффа» (собственноручного письма), написанная им в конце 1587 г. в Москве: «Я, Иван Майсеевич, мещанин могилевский, вызноваю сам на себе тым моим церографом, иж есми застал винен п[а]ну Яцку Овхимовичу, мещанину тогож места могилевского, за два кони рублей двадцать денег московских. А маю ему отдати и заплатити у Могилеве по осмидесят гр[о]шей литовских за рубль на рок и ден певный, то есть в року тепер идучом тисеча пятсот осмьдесят осмом на ден велебного света тридневного воскресенья (Пасху, 18 апреля. – В.К.), ни чым иным ани жадными товары ено готовыми грошми. А где бы в тых часех на мене п[а]нъ Богъ перепустить смерть, тогды маеть близкий мой з маетности моее, хто на тот час завладееть, маеть и повинен будеть п[а]ну Яцку Овхимовичу тот мой долг отдати и заплатити на тот же рокъ и день, якое ему так шкоды и наклады наречены своа его, кром присеги его тесное. А при том были и того суть добре звездоми их м[и]л[о]сть п[а]нъ Сергей Максимович бурмистръ, а п[а]нъ Ермола Михайлович Мосцов мещанин могилевский ж, п[а]нъ Иван Григоревич Жолобов мещанин менский. А для

лучшее певности просил есми них же м[и]л[о]стей тых людей добрых о приложенья печатей. И они з ласки своее на учевитую а усную прозбу мою вчинили и печати к сему листу моему приложили. Деелося у Москве в року АФНЗ (т.е. 1587 года. – В.К.) м[е]с[е]ца декабря шестого дня» [10, лл. 116-116 об.].

Еще один комплекс документов, позволяющий рассчитать обменный курс русской копейки, связан с тяжбой ранее упоминаемого минского мещанина И.Г. Жолоба против моголевского мещанина Микиты Зеновича. В жалобе от 6 июня 1588 г. сказано, что он будучи в Москве выкупил «девку»-шляхтянку Оксинью Щавпиловну за шестьдесят рублей [10, л. 242]. В позднейших жалобе от 8 июля и присяге от 28 июля фигурирует сумма «в осмидесят копах гр[о]шей» [10, лл. 250–252, 304]. В первом документе возможно двойное прочтение счетно-денежного понятия «рубель» – как литовский, так и московский. Они оба составляют 100 более мелких единиц: литовский – литовских грошей, московский – московских копеек. Использование в позднейших источниках, входящих в комплекс, суммы в 80 коп литовских грошей позволяет отказаться от этой неопределенности. Они соответствуют 4 800 (= 80 × 60) грошей или же 48 (= 4 800:100) литовских рублей. В то время как 60 московских рублей составляют как раз 80 (= 60 × 100 × 0,8) коп литовских грошей.

Позднее установление паритета между денежно-счетными единицами России и Речи Посполитой прослеживается в Актной книге Моголевского магистрата за 16 июля 1597 – 9 июля 1598 г. «Прысега» от 13 июня и «Угода (соглашение) и отпис (описание) на долг» от 17 июня 1598 г. моголевских мещан Данилы Буса, Митки и Чурилы Семеновичей упоминают «десеть рублей денег московских» [11, лл. 519 об.–520, 523 об.–524], которые Чурила дал в долг моголевским мещанам Д. Бусу и М. Семеновичу. Далее Данила обещает отдать долг Чуриле «п[е]н[е]зи десет рублей вжо п[е]н[е]зми монетою литовскою» и только ею, а не чем-нибудь иным, но частями – «пять копъ грошей ... на день Петра Светого (29 июня. – В.К.)» в 1598 г. и оставшиеся пять коп на Пасху в 1599 г. (11 апреля. – В.К.) [11, лл. 523 об.–524]. Таким образом, можно говорить о равенстве 10 рублей «денег московских» 10 копам литовских грошей. Отсюда следует, что одна копейка соответствовала 0,6 (= 60:100) литовского гроша.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем следующими данными о вальвации русской «проволочной» копейки в Могилеве в конце XVI в. (см. таб. 2).

Таб. 2

Год	Котировка русской копейки
июнь 1578	0,8 литовского гроша
июль-август 1579	0,8 литовского гроша
ноябрь 1580	0,65 литовского гроша
март 1581	0,69 литовского гроша
апрель 1581	0,8 литовского гроша
апрель-июнь 1588	0,8 литовского гроша
июнь 1598	0,6 литовского гроша

Как видно из таблицы, одна русская серебряная копейка преимущественно приравнивалась 0,8 литовского гроша или одному польскому грошу. В то же время документы фиксируют вариативность её курса. Известны и более низкие

котировки в 0,6 (июнь 1598 г.), 0,65 (ноябрь 1580 г.) и 0,69 (март 1581 г.) литовского гроша. Одним из объяснений существования пониженных вальваций может быть сохранение их как реликтов более раннего времени. Согласно собственным расчетам, близкие показатели имели место в 1540-е гг. [6, с. 2, 3, 6]. Такого рода догадка в известной степени правомерна для документов времени денежной реформы Стефана Батория (1580 г.). В ходе ее происходило понижение монетной стопы, что, скорее всего, отразилось на котировках. Дать более-менее убедительное объяснение для пониженного курса в 1598 г. при современном уровне знаний не представляется возможным. Открытие новых документов в будущем позволит дать ответ, почему произошло снижение курсового показателя русской копейки в конце XVI в.

Приложение¹

1580 г. месяца ноября КИ (28) дня у понеделок. (Название повреждено и не восстанавливается) //

Перед лентвойтом, бурмистрами, райцами, лавниками тог року на справах меских в рагушу будучим, ставши очевисто Богданъ Василевич с почту пна Троцкого жаловал на Ивана Семеновича о том, иж он у мене узал рубль денег и мел отменит Новгородку по полсему пенязя и ку тому то тарел. Нижли мне тых грошей отдат не хочет. Сторона отпорная Иван поведил, же не брал того рубля денег а ни тареля, толко онну десет денегъ и то отдал. Што мы сказали, абы Иван на том прысегу учинил. Которую мает учинит у середу.

[НИАБ, ф. 1817, оп. 1, д. 2, л. 227об.–228.]

1581 г. месяца марца К (20) дня у понеделок. Оповедене Опанаса Богдановича.

Перед Клишком Авусовичом, бурмистром места моголевског, ставшы очевисто Опанас Богданович, мещанин моголевский, жаловал на Андрея Сопроновича, мещанина моголевског, о том, иж онъ у мене узал рублей полшоста, за которые мел ми дат гршми готовыми за рубль шестьдесят девят гршей. Нижли он через тыден дер- // жавшы денги мне почал отдават, мели якобы мели быт не добрые, а я ему добры ден давать. Которое оповедане свое дал до книг записат.

[НИАБ, ф. 1817, оп. 1, д. 2, л. 471-471 об.]

1581 г. месяца апреля СИ (16) дня у неделю. Моц

Перед Клишком Авусовичом, бурмистром места моголевског тог року на справах меских будучим, ставшы очевисто учтивый Артем Ларивонович, мещанин моголевский, чинил сознане о том, иж он дей продал коня шерстю рыжой за два рубли московских, то ест личбы литовской за две копе грши сорок, Миките Гапоновичу, волощанину дубровленскому села з Росалны имения его млсти ясновельможного пна Яна Глебовича пна минского. Нижли тот дей Микита мне до тых часов тых дву коп и грши сорока за тог коня не заплатил. А так я дей маючи перед собою пилнейшыя справы он дей в месте моголевском, для которых справ не могучи сам до Дубровны ехат. Тогды передо мною, яко врядом меским, тот Артем Ларивонович зачил и дал

¹ Документы публикуются впервые. Разбивка на предложения и знаки препинания авторские.

моц приятелю своему Климу Гапоновичу дубровленину одыскат у того Микиты Гапоновича тую две копе грши сорок, што ему винен за коня и от нег взят и до урядовых сознат и врядове именем его яко прынцыпала своего квитоват и гдѣбы се мел з ним право вдат. Тогда // правне поступоват чынит и делат так велеле бы водле статута права посполитог земског Великого князства Литовског доставало явне до спеху своем кому иному от себе моц поручит и штобы се через умоцованог своег Клима Гапоновича албо от Климовог умоцованого, што стало исправило. Обещуочи от них так з не с такой якои страту принят и то за право взят и вечне а завдячне счинят. Которое злецене зуполное моцы Клим Гапонович дубровленин, на себе доброволне принявши и то все тому Артему Ларивоновичу справит обещаши, дал то до книг меских ратушных места могилевског записат. Которог записаня и выпис с книг пот печатю мескою собе узял. Писан у Могилеве.

[НИАБ, ф. 1817, оп. 1, д. 2, л. 499-499 об.]

1588 г. месяца мая четвертого дня у среду. До суботы на отказ.

Перед лентвойтом, бурмистрами, райцами, лавниками места могилевского того року на справах меских в ратушу будучим, ставшы очевисто Яцко Овхимович мещанин могилевский через умоцованог всего пна Яна Солецкого жаловал на Ланю Мойсеевича мещанина ж могилевского о том, штож дей брат его Иванъ Мойсеевич зостал винен на церокграфъ свой будучы на Москве за два кони рублей двадцат денег московских. Которые мел мне отдати по осмьдесят гршей литовских на ден великоденный света в року тепер осмьдесят осмом прошлое, которое брат его будучы на Москве там за нещасным припадком своим забит, а маетность его на томъ брате его Лани засталося. А так абы он мне тую двадцать рублей денег водлуг церокграфу з маетности брата своего заплатил. На который помененый Яцко показал пред нами церокграфъ того Ивана Мойсеевича, на который так ся в собе мает: Я, Иван Майсеевич мещанин могилевский, вызноваю сам на себе тым моим церокграфом, иж есми застал винен пну Яцку Овхимовичу мещанину тогож места могилевского за два кони рублей двадцать денег московских. А маю ему отдати и заплатити у Могилеве по осмидесят гршей литовских за рубль на рок и ден певный, то есть в року // тепер идучом тисеча пятсот осмьдесят осмом на ден велебного света тридневного воскресенья ни чым иным а ни жадными товары ено готовыми грошми. А где бы в тых часех на мене пнь богъ перепустить смерть, тогда маеть близкий мой з маетности моее, хто на тот час завладееть, маеть и повинен будет пну Яцку Овхимовичу тот мой долг отдати и заплатити на тот же рокъ и день, яке ему так шкоды и наклады нареченья свова его, кром присеги его тесное. А при том были и того суть добре звезоми их млсть пнь Сергей Максимович бурмистръ а пнь Ермола Михайлович Мосцов мещанин могилевский ж пнь Иван Григоревич Жолобов мещанин менский. А для лепшее певности просил есми них же млстей тых людей добрых о приложенья печатей, и они з ласки своее на учевитою а усную прозбу мою вчинили и печати к сему листу моему приложили. Деелося у Москве в року АФНЗ мсца декабря шестого дня. В тог церокграфу печатей тры притисненных. Сторона отпорная, выслулавшы жалобы на жалобу и не отказуючы ку права не вступуючы, узял собе через умоцованого своег Богдана Боровика на отказ до суботы. Чого вряд ему допустил.

[НИАБ, ф. 1817, оп. 1, д. 3, л. 116-116 об.]

1588 г. месяца мая сегого дня у суботу. До понеделку отложено.

Перед лентвойтом, бурмистрами, райцами, лавниками места Могилевского того року на справах меских в ратушы будучим на року на отказ за делящею припалом, ставшы очевисто Яцко Овхимович, мещанин могилевский, через умоцованог своего пна Яна Солецкого жаловал на Ланю Майсеевича водлуг першое жалобы своее о двадцать рублей денег московских, которые ему зостал винен на церокграфъ свой брат небожчык его Иван Майсеевич будучы на Москве. Которую жалобу свою перво учыненую, знову повтораючы, с книг врадových чытати казал и просил абы с тог помененог Лани Мойсеевича справедливость учынена была. А сторона отпорная выслулавшы жалобы и церокграфу небожчыка Ивана Мойсеевича на тую двадцать рублей денег Яцку Овхимовичу да нег на жалобу через умоцованог своего Богдана Боровика, чынены отказ, поведил тыми словы иж дей правда же по смерти брата моего Ивана Мойсеевича, который, едучы з Москвы, на дорозе забитым есть от розбою, дошло дей мене яко брату, што с немало товару и маетности его. Але дей не ест задержанный и может до то быти же Яцко противный запис свой небожчыку брату моему Ивану был дал, або о тот долгъ выплатил а тог листу своего не взял, але его Яцко у себе задержал. Про то дей нехай Яцко самосем яко по змерлой руке довод чынит яко ему тот долгъ не заплачон. А я дей тот долгъ водлуг того листу платит буду. На то сторона поводова через умоцованог своего Яна Солецкого поведил, иж дей мне доводу лепшог по змерлой руке не потреба: над тот лист запис его, у которог листу сут печатей людей зацных купецких тры подал, на то в право в порядку в листе деветдесят третем на присегу жадин ся не маеть брат аж где бы иных доводов не ставило, то есть где бы не мой мел сведков, албо сурадных местов под печатю албо с книг урядовых и иных важных доводов, которым вера дана, а иж дей довод // певнейших не может быть церокграфъ. Ач колвек менит тот Ланя же церокграфу, то ест задержанный, ино я сие ся то показывает с того церокграфу же небожчык Иван Мойсеевич брат его, скоро давшы мне тот лист на себе на Москве и обещаши мне тот долгъ тут в Могилеве на великден тепер близко прошлый заплатит заразом, на третий або на четвертый ден з Москвы поехал, а в том его на дорозе зашвего неподалеку Москвы. Якож дей я, скоро приехавшы з Москвы за тым дей перед великоднем, оповедалом, то на вряде всм же ми тот небожчык Иванъ водлуг тот листу зостал винен и показал то в праве спокулисоксоном в листе осмьдесят четвертом, длу чего естли бы ся верител перед часом упоминал платил его длужник не винен, але естли бы ся на час упоминал повинен заразом заплатити. А иж тот Ланя сам ся доброволне до тог знаетъ же некоторая маетность и товары по смерти брата его Ивана ему суть дошли спадкомъ природжоным, а он инвертару врадového не учынил и водлуг права ся не заховал в тытулох права майдебурског лист тринадцатом, где пишот, естли бы дей дал або потомок инвертару не учынил, повинен вси долги платит, хотя бы и маетности так мног не взял. И просил Яцко Овхимович абы ку заплате тог долгу водлуг листу и права алекгованог Ланя Майсеевич справы был примушон. Сторона обжалованая через умоцованог своего яко и перво поведил, иж дей могъ быти у небожчыка брата моего противный лист тог Яцка, иж тот долгъ ему заплатил, а так яко его заплатла не дошла от брата моего и тот листу не задержал, нехай дей самосем яко по змерлой руке доводу учынит. А я и тог тот долгъ платит. Мы вряд, выслулавшы з обоух, естли бы мели што больш тог не маем одно дей то припускаем на розсудок и дэкрет всм врядовый, што мы уряд для намовы межи собою

и пороженя, не будучи скорптивными на выдане сентенций, сторонам отложилисмо тую справу и до понеделку пришлог мсца мая Н (8) дня, казавшы сторонам о часим су выданю сентенций ся становит.

[НИАБ, ф. 1817, оп. 1, д. 3, л. 119 об.–120.]

1588 г. месеца июня шестого дня у среду.

Перед лентвойтом, бурмистры, райцы, лавники места моголевского того року на справах меских у ратушы будучым, ставшы очевисто мещанин гспдрьского места меньского учтивый Иван Жолоб очевисто вызнал до книг меских моголевских судовых права майдебурского тыми словы, иж што есми был дал до схованя девку, выкупившы у Москве на имя Оксиню Щавпиловну у шестидесят рублей, у мещанина моголевского Микиты Зановова. Тогда есми тую девку, яко был дал до схованя, так теж есми ее ... от того Микиты Зенавава до рукь своих узял. С чого того, помененого Микиты Зенавава, сим сознанием моим квитую и вечными чсы волным чыню. Што себе дал тое очевистое вызнане Ивана Жолоба Микита Зеновов до книг меских записать.

[НИАБ, ф. 1817, оп. 1, д. 3, л. 242.]

1588 г. месеца июля Ки (28) дня у четверг. Присега.

Перед лентвойтом, бурмистры, райцы, лавники места моголевского тог року на справах меских у ратушу будучымъ, ставшы очевисто мещанин гсдрьский места менского Иван Жолоб жаловал на Микиту Зеновавича о том, штож дей свем (ошибочное написание: правильно в сем. – В.К.) року теперешнем осмьдесят осмом по великой ноцы мел есми девку, выкуплену з Москвы в осмидесят коп гршей на имя Оксиню Семеновну. Которую девку зоставил есми был в нег час немалый. Кгдым зас до нег приехавшы, тую девку был узял и кгда дей тая девка тамъ до дому пришла от мене по речы свои, которыя хотела до споды моей принести, тамъ дей он, маючы змову с приятelmi ее, оцю девку выдал приятелемъ ее, взявшы от них коп чотыри гршей. И ни от ког тое шкоды себе себе не маю отдно от тог Микиты Зеновова и жены ег. И просил помененый Иван Жолоб, сторона поводова, абы с того Микиты справедливость учынена была. Сторона позваная, в право не вступуючы и на жалобу не отказуючы, поведил, иж дей есми не ведал от слуги меского о штобы мене противъ Ивана Жолоба позывал, просил року на отказ до дня завтрешнег пятницы мсца июля двадцат девятог дня. Уряд дал ему до дня завтрешнег до години дванадцатой. Абы ся становил на жалобу тог Ивана Жолоба ся усправедливил.

[НИАБ, ф. 1817, оп. 1, д. 3, л. 304.]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акт овая книга Моголевского магистрат а 1577 г. (начало) // Ист орико-юридические мат ериалы, извлеченные из акт овых книг губерний Вит ебской и Моголевской, хранящихся в Цент ральном архиве в Вит ебске / Под ред. Д.И. Довгялло. – Витебск: Губернская типо-литография, 1903. – Вып. 30. – Отдел третий, с. 1-164.

2. Акт овая книга Моголевского магистрат а 1577 г. (продолж ение) // Ист орико-юридические мат ериалы, извлеченные из акт овых книг губерний Вит ебской и Моголевской, хранящихся в Цент ральном архиве в Вит ебске / Под ред. Д.И. Довгялло. – Витебск: Типо-литография бр. Подземских, 1906. – Вып. 32, с. 165-228.

3. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиною: в 39 т. / сост. Д.И. Довгялло [и

др.]. – Вильно: Типография «Русский почин», 1915. – Т. 39: Акты Моголевского магистрата (1579–1580 гг.). – 674 с.

4. Беларускі архіў: у 3 т. / Т. 2: Архіў Літоўскай Мэтрыкі. Кніга запісаў № 16. Справы Віцебскага гродзкага суда. Справы Полацкага гродзкага суда (1530–1538 гг.). – Менск: Друкарня Інбелкульты, 1928. – 344 с.

5. Квизикявичюс, Л., Русские монеты в денежном обращении Литвы в XVI–XVIII веках / Л. Квизикявичюс // МОНЕТА. Международный нумизматический альманах. Вып. 7. (К 80-летию Василия Васильевича Узденикова). Вологда: Издательство «МДК», 2000, с. 25-31.

6. Кобринец, В.А., Об обменном курсе русской серебряной копейки / В.А. Кобринец // Нумизматический альманах. – 2009. – № 4 (38), с. 2-9.

7. Малежик, В.А., Фиксация и перспектива анализа единичных находок русских монет XV–XVII веков на территории Беларуси / В.А. Малежик // Pieniądz-symbol-władza-wojna wspólne dziedzictwo Europy. Białoruś, Estonia, Litwa, Łotwa, Polska, Rosja, Rumunia, Słowacja, Ukraina. Augustów, 8–11 września 2010. Studia i Materiały z IX Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. – Augustów, Warszawa, 2008, с. 115–131.

8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1817 (Моголевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 1 (Актовая книга Моголевского магистрата за 18 июля – 1 июня 1580 г.).

9. НИАБ. – Ф. 1817 (Моголевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 2 (Актовая книга Моголевского магистрата за июнь 1580 – июль 1581 г.).

10. НИАБ. – Ф. 1817 (Моголевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 3 (Актовая книга Моголевского магистрата за февраль – декабрь 1588 г.).

11. НИАБ. – Ф. 1817 (Моголевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 4 (Актовая книга Моголевского магистрата за 16 июля 1597 – 9 июля 1598 г.).

12. Рябцевич, В.Н., Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Мн.: Польша, 1995. – 686 с.

13. Рябцевич, Д.В., «Денги Московские» в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв. (денежная и товарная функции) / Д.В. Рябцевич // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 15–20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2002, с. 196-198.

14. Рябцевич, Д.В., Российская монета на рынках Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв.: Общий анализ свода и топографии кладов / Д.В. Рябцевич // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2001, с. 196-197.

15. Рябцевич, Д.В., Российские монеты XVI–XVII вв. на рынках западных регионов Великого княжества Литовского (Брестщина, Гродненщина, Литва) / Д.В. Рябцевич // Культура Гродненского рэгіёну: праблемы развіцця ва ўмовах поліэтнічнага сумежжа: Зб. навук. пр. / Адк. рэд. А. М. Пяткевіч. – Гродна, 2003, с. 220-225.

Akta magistratu mohylewskiego o kursie wymiennym rosyjskiej kopejki w XVI w. Streszczenie

Rosyjskie kopiejki w XVI w. były w obiegu na terenie części ziem Wielkiego Księstwa Litewskiego. Znalazły się tam wskutek aktywnych kontaktów handlowych z Księstwem Moskiewskim, a potem (po 1547 r.) Carstwem Moskiewskim. Możemy to prześledzić na podstawie dokumentów archiwalnych. Pierwszą wzmiankę o „pieniądzach moskiewskich” odnajdziemy dla ziem białoruskich już 17 kwietnia 1532 r. W obiegu w XVI w. znajdowały się kopiejki i diengi. Cennym źródłem wartym analizy są księgi magistratu w Mohylewie. Obrazują nam one m.in. kurs wymiany owych „obcych” pieniędzy na części ziem W. Ks. Litewskiego.